

К Р О К О Д И Л

№ 25 СЕНТЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

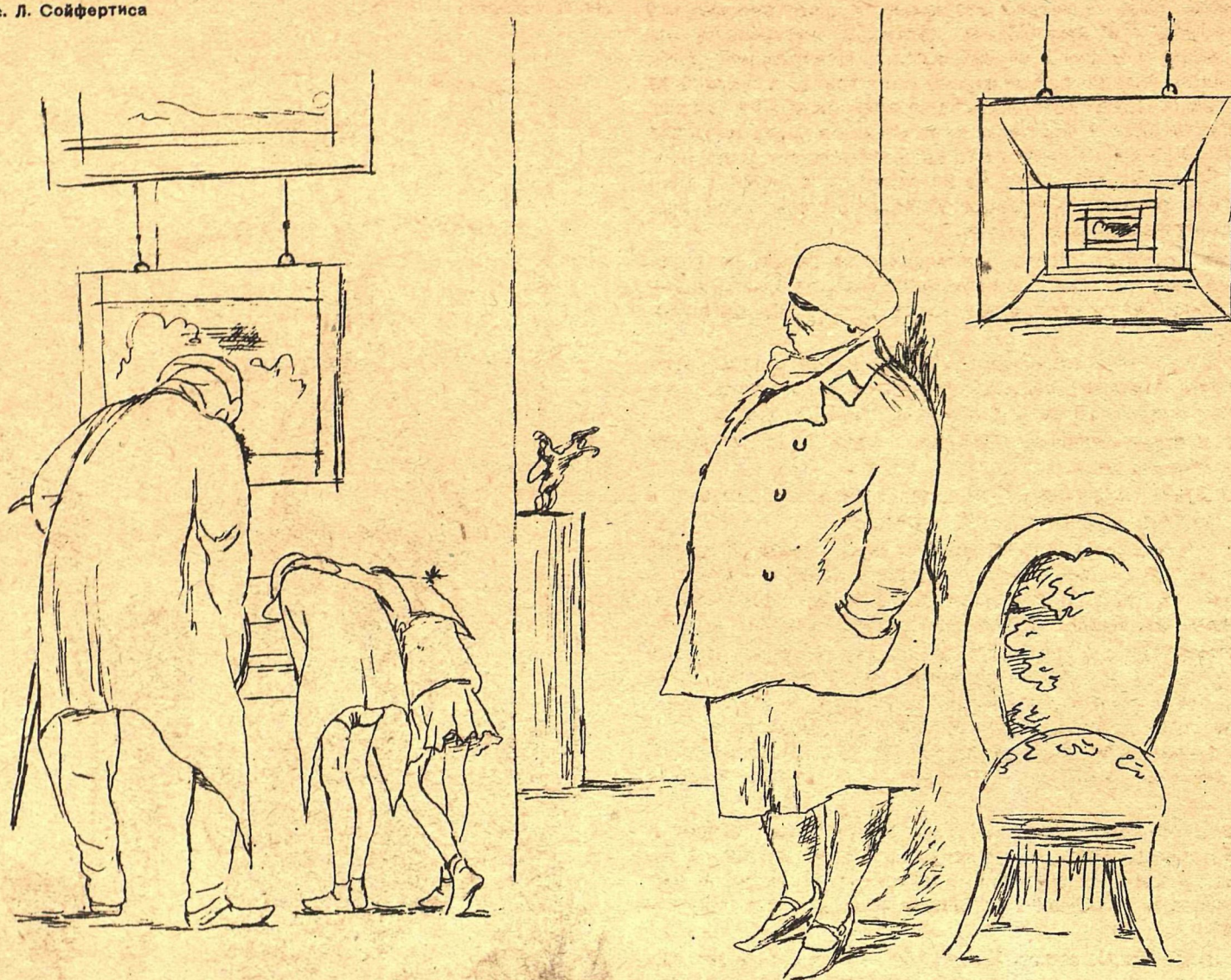
2556
16

Рис. Л. Бродаты

„... Агрессию надо называть агрессией, какими бы лозунгом она ни украшалась, ... назов бы им был смысл антикоммунизма — минералогический ли, коммерческий, стратегический, или иной...“
 (Из речи М. М. Литвинова на пленуме Лиги Наций)

— Ну, чего стали?.. Не видали, что ли, никогда идейной борьбы с коммунизмом?!

НАРСУДЬЯ (в музее): — Вот ведь сколько лет здесь держат материалы под стеклом — ничего!.. А я задержал одно дельце на месяц — ффу-ты, какой шум!..

ЗАРУЧЕНИЕ

(ИЗ ПОВЕСТИ ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА „Я, СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА“, КОТОРАЯ ВЫЙДЕТ К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ)

Тем часом Семен искал сватов, так называемых «старост». Дело это было далеко не простое. Оно требовало ума. А то на самом деле: пригласишь старост, не подумав, кое-каких, а норовистый фельдфебель, может, с ними и разговаривать не захочет, в хату не пустит. Нужно выбирать людей почтенных, для Ткаченки подходящих.

Вообще полагалось в старосты брать родственников или друзей жениха. Но родня у Семена была незавидная. Только и остался от всей родни, что покойного деда младший брат, глухой, нелюдимый старик, доживавший свой век бобылем за пятнадцать верст на пасеке. Остальные были женщины.

Друзей, правда, было множество. Но все они — конечно, те, которые вернулись с фронта живые — для такого дела не годились: как ушли на войну рядовыми, так рядовыми и пришли назад; хоть бы для смеха кто-нибудь заслужил ефрейторские лычки.

А Семену при его сложных обстоятельствах требовались такие старосты, чтобы Ткаченке некуда было податься.

Недели две, не меньше, ломал себе голову Семен, не зная, кого выбрать. Наконец, он решил кланяться, во-первых, тому самому матросу Цареву, которого видел на вечерке и с которым уже успел добре подружиться, и, во-вторых, председателю сельского совета, большевику Трофиму Ивановичу Ременюку,

но опять же не тому Ременюку, чей баштан около баштана Ивасенков, и не тому Ременюку, у кого двух сынов убило в пехоте — вообще, надо сказать, половина села были Ременюки, — а тому Ременюку, который в семнадцатом году вернулся с бессрочной каторги, где он отбывал за убийство урядника.

Хотя матрос Царев в это время сам сватался и ходил совершенно очумелый, но, чтобы оказать другу одолжение, а также и для того, чтобы не пропустить случая погулять на хорошей свадьбе, быстро согласился.

Семен рассказал ему все, что у него произошло с Ткаченкой.

— Ах, шкура; ну что ты скажешь на эту шкуру! — воскликнул почти с восхищением матрос. — У нас в Черноморском флоте то же самое. Такие, знаешь, попадались курвцы из кондукторов, что одно оставалось — прикладом по голове и в Черное море. Безусловно! Ну, ничего, браток. Будет наша. Сделаем тебе зарученье.

Громадный человек без двух пальцев на правой руке, с вытекшим и давно уже зарубцевавшимся глазом, от чего ужасное лицо его казалось и вовсе незрячим, Трофим Иванович Ременюк в первый миг даже не совсем понял, чего от него хочет Семен.

В бывшей хате сельского старшины, с раскиданными по глиняному полу старорежимными делами в выгоревших на солнце папках и обрывками универсалов Центральной рады, с разломанной золотой рамой царского портрета, засунутой за еловый шкаф, среди кожухов, солдатских шинелей и свитков, пришедших по делу и без дела, в махорочном дыму орудовал Трофим Иванович, возвышаясь над малюсеньким столиком присутствия. Здесь быстро — тут же на месте, — с суровым беспристрастием революции, именем Украинской советской республики совершалась воля народа.

Печатка сельского совета, закопченная на свечке и приложенная к восьмушке косо разлинованной и закорючками испи-санной бумаги, сажей утверждала правду, сотни лет снившуюся деревне.

Трофим Ременюк уставился на Семена белым глазом. Толстая морщина поднялась по изуродованному лбу и волной прошла дальше под кожей наголо обритой, голубой головы.

Семен повторил просьбу. Ременюк подумал и согласился, хотя при этом сказал:

— Смотрите, пожалуйста. Понимает солдат, кого надо в старосты просить. Дурной-дурной, а хитрый.

Через несколько дней, под воскресенье, голова и матрос двинулись от хаты Котко на другой конец села, к Ткаченко. Они шли не торопясь по середине улицы. Бабы провожали их любопытными взглядами. Мужики молчаливо кланялись.

Ткаченко увидел их еще издали. Он сразу понял, что это сваты: в руках у них были полученные от жениха посохи — знак посольства — свежавыструганные батожки из белой акации. Кроме того у матроса из пазухи выглядывал штоф, заткнутый кукурузным качаном, а голова держал подмышкой круглый плетеный хлеб из пшеничной муки самого тонкого помола.

Ткаченко не успел хорошенько очухаться, как старосты стояли уже возле шахты, постукивая батогами: матрос — в заломленной на затылок бескозырке и голова — циклоп в брезентовом пальто с клапаном и капюшоном, длины и ширины необъятной.

— А мы до вас, Никанор Васильевич, — сказал голова, поверх плетня подавая бывшему фельдфебелю беспалую руку.

— До вас, товарищ Ткаченко, до вас, и ни до кого больше... — болтливо начал матрос, но голова остановил его взглядом.

Вообще, надо сказать, Ременюк оказался вдруг большим знатоком деревенских обычаев. Согласившись быть свадебным старостой, он принял за дело солидно, не пропуская ни одной мелочи. Он потребовал, чтобы жених вручил ему и матросу по посоху, чтобы мать Котко спекла хлеб и чтобы у матроса был штоф наилучшего сахарного самогона. Все честь по чести, как полагается по старому обычаю: не роняя достоинства жениха и оказывая уважение дому невесты.

Перед тем как тронуться в путь, Ременюк прочитал суетливому матросу длинное наставление, как надо себя вести и что говорить, — опять-таки все по обычаю.

Мать Котко не нарадовалась на такого умелого свата. Шутка сказать: без малого лет двенадцать человек провел на страшной царской каторге, вид крестьянский потерял, а все обычаи помнит. Видно, не раз и не два в тайге, под высокими сибирскими звездами, снилось ему родное село, родная крестьянская жизнь.

— Прошу вашего одолжения, — сказал Ткаченко, подумав и примерившись к гостям соколиным взглядом.

С этими словами он собственноручно снял перекладину и отчинил ворота. Голова и матрос вошли через ворота, хотя свободно могли бы войти и в калитку. Но таков был обычай.

— Заходите в комнаты.

Ткаченко не сказал «в хату». Этим он давал понять не-прошенным сватам, что они пришли в дом к человеку не простому, а привыкшему жить на богатую ногу.

И точно. Домик Ткаченко не вполне можно было назвать хатой. Хотя был он и глиняный и мазаный и окошечки имел обведенные синькой, как и все прочие хаты села, но все же не было в нем того простодушия, какое придают украинской хате камышевая крыша, размалеванная розочками призва и подкова, прибитая на счастье к порогу.

Рис. И. Семенова

— Вы знаете, после наших ежедневных заседаний я как-то отдыхаю душой в трамвае... И ноги размять можно, и воздух все-таки чище...

Крыша ткаченковского домика была железная, голубого цвета; вместо призывы стояла длинная скамейка; над дверью имелся навес, подпертый шестью тонкими столбиками, как в волостной почтовой конторе.

Все это придавало жилищу Ткаченко вид хотя и богатый, но какой-то казенный.

Сваты мимолетно переглянулись; подтолкнув друг друга локтем, они следом за хозяином вошли в хату.

Здесь тоже все было не так, как у других. Над раскладной походной кроватью, застланной новой попоной, висели длинная артиллерийская шинель и фуражка с темным пятном на месте кокарды. Стоял канцелярский столик. Вокруг него три еловых стула, неуклюжее произведение деревенского столяра, с высокими спинками, решетчатыми, как лестница. У стены помещался небольшой городской комод с гипсовой вазой. Из нее торчало два султана ковыля, крашеного анилином: один ядовито розовый, а другой — до синевы зеленый. Над комодом, на стене, виднелась в узкой рамке под стеклом — паспарту — глянцево-лиловая фотографическая группа учебной команды, где, если хорошенько поискать, можно было найти и самого

молодого Ткаченко, сидевшего перед командиром в первом ряду на земле, скрестив по-турецки ноги в новых сапогах со шпорами.

На окнах висели тюлевые занавески, но не было ни одного цветка. И было скучно.

— Извиняйте, — сказал Ткаченко. — Можно садиться на стулья.

Хозяин и сваты сели.

— Вполне, как в городе, — заметил матрос, осторожно покосившись на Ременюка. Но на этот раз голова, видимо, вполне одобрил политичное вступление матроса. По обычаю полагалось, прежде чем приступить к делу, потолковать о разных посторонних вещах.

— Что это вы, Никанор Васильевич, до нас в сельский совет никогда не зайдете? — спросил Ременюк, кладя на стол хлеб и поглаживая его своей беспалой лапой.

— Отчего ж, можно будет зайти, — ответил Ткаченко, проводя по усам тремя пальцами, сложенными как бы для крестного знамения. — Только я не знаю, что я в том сельском совете могу для себя иметь? Чужих лошадей мне не треба, потому что я, слава богу, пока что имею собственных. То же самое и без чужой земли я не страдаю.

— Они стоят на аграрной платформе правых социалистов-революционеров, а то и обыкновенных кадетов, — пожав плечами, заметил матрос, обращаясь к голове. — Они несогласные с нашим лозунгом: забирай обратно награбленное. Как вы скажете, товарищ Ременюк?

— Я скажу, что среди местного крестьянства еще попадают сильно-таки несознательные люди.

Пожелтели от ярости темные глаза Ткаченко. Каждый мускул стал отчетливо виден на его лице. Но и только. Больше ничем не выдал себя бывший фельдфебель.

— А я скажу обратно, — проговорил он небрежно. — Чересчур все стали сознательные.

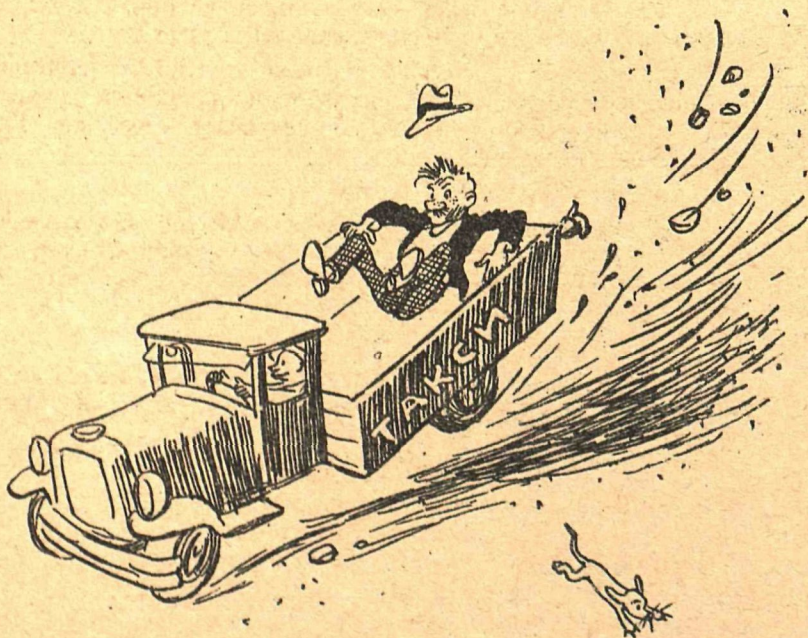
Здесь разговор застрял. Хозяин и гости долго молчали. Наконец, помолчав столько, сколько допускало приличие, Ткаченко не торопясь повел речь о новом сарайчике, который собирался строить.

Но тут голова и матрос вдруг нетерпеливо застучали посохами. Этого мига больше всего боялся Ткаченко.

— Кланяется вам молодой князь, — сказал голова решительно.

КОМАНДИРОВАННЫЙ В СТОЛИЦЕ

Рис. А. Каневского

— А говорили: будете в Москве — непременно наймите такси: очень удобный способ передвижения... А что тут удобного?..

— Известный вами товарищ Котко, Семен Федорович, — торопливо прибавил матрос. — Человек вполне справный, зловый, холостой, хоть сейчас может обкрутиться с кем угодно...

— Ты! — зловеще сказал матросу Ременюк. — Заткнись ради бога. Поперед батьки не суйся в пекло! — и любезно продолжал, обращаясь к Ткаченко. — Кланяется вам молодой князь и просит спытать у вас, Никанор Васильевич, отдадите вы за него свою дочку Софью Никаноровну?

— Ну и то же самое, — пробурчал матрос. — А я что говорю?

— Привяжи свою балалайку... И мы, его старосты, так же точно клянемся вам и просим уважить, чтоб нам не пришлось вертаться без зарученья обратно через все село, на смех людям.

Ременюк бил наверняка. Отказать таким сватам было не под силу хитрому Ткаченко. Ткаченко и сам понимал это. Однако он медлил, подперев кулаком подбородок.

— Знаете что, загадали вы мне задачу, — тянул он, жмурясь. — Не ожидал я такого дела.

Была б Софья моложе, он сумел бы отговориться ее годами. Но девушке исполнилось девятнадцать — возраст для деревенской невесты критический. Почти старая дева.

— Дайте подумать.

— Чего там подумать, — недовольно сказал матрос, для которого всякие формальности и волокита были хуже чорта. — На самом деле! Девушка согласная? Согласная. Семен согласный? Согласный. А что касается папы, то папа тоже согласный. Папа свое нерушимое слово давал Семену еще на румынском фронте. Там у них один разговор был. Не молчите, папа, подтверждайте факты налицо или же начисто отрицайте.

— Я своего слова не вертаю. Как дочка, так и я, — сказал Ткаченко, не поднимая глаз. — Пускай она сама за себя скажет, — и с этими словами вышел.

Софья дождалась решения своей судьбы во второй из двух комнат. Это была чистая, нежилая половина со свежее вымазанным глиняным полом, с ярко выбеленными печкой и припечкой, размазанной цветами в горшках и птицами в коронах, как павлины. Вокруг бедной иконы киевского письма и по стенам висели на гвоздиках пучки и мешочки сухих сильно пахнущих трав и цветов: чернобровцев, чебреца, васильков, тмина, полыни. На печи была навалена гряда прошлогодних маковых головок. Тут же стояли две волнисто расписанные полированные миски, одна — с горкой голубого мака, другая — налитая до краев темным медом, в котором плавали крылышки пчел.

И до того была непохожа эта горница на комнату, где помещался хозяин, до того была она милой и простодушной, что трудно было поверить, что находятся они рядом, в одной хате, и покрывает их одна крыша.

Софья в козловых башмаках на резинках с торчащими ушками и в калошах «Проводник» и ее мать босиком сидели на полу возле сундука с приданным, открытого впопыхах. Едва только сваты вступили в дом, женщины бросились сюда, крестясь и роняя шпильки.

Софья успела надеть новые башмаки, калоши и коленкорую кофту. Мать ничего не успела надеть.

Ткаченко вошел и запер за собой дверь.

— Ну? — сказал он.

— Пожалей свою дочку, Никанор Васильевич.

— С тобой не разговаривают, — прошептал он придушенно, чтобы в соседней комнате не услышали скандала, и пнул сапогом старуху. — Тебя спрашиваю, Сонька! Ну?

Софья проворно вскочила на ноги и прислонилась к припечке, задрав вверх лицо — белое в красных пятнах. Ее сухие, полопавшиеся губы дрожали.

— Я согласная! — крикнула она сорванным голосом и закрыла лицо рукой, как бы обороняясь от удара.

— Тшш, — зашипел отец. — Тшшш, халява... Убери с лица руку. Не моргай. Тшшш. Слышу, что ты согласная. А ты сварила своими мозгами, на что ты согласная? За кого собираешься идти? Какого мне зятя устраиваешь? Может быть, ты

Рис. Ю. Ганфа

— Европейцы и американцы совсем не понимают нашей японской политики. Мы здесь, в Китае, и двери повывинчали и окна побили, а теперь дома взрываем... Но они все еще требуют открытых дверей!..

мечтаешь, что этот тарарам будет продолжаться в России еще десять лет? Так я тебе говорю — не мечтай. Позабирали клембовскую землю, поделили клембовский скот, клембовский дом стоит на горе пустой с забитыми окнами, — и они себе радуются, песни играют. Советы депутатов сделали. Думают без хозяина обойтись. С одними каторжанами. Наверяд ли! Я тебе говорю, через какой-нибудь, может быть, месяц все обратно станет — и что ты тогда будешь робить со своим лядацим Семеном и с теми краденными клембовскими коровами и с тою нахально посеянной клембовской землей? Под суд вместе со всеми хотишь попасть? На каторжные работы? Под расстрел? И меня через это на всю жизнь замарать?

Софья стояла перед отцом неподвижно, устремив на него выпуклые глаза.

Он смягчился, приняв ее молчанье за согласие.

— Слышь, — сказал он. — Ты ему не верь, что он тебе поет. Я лучше его понимаю дело. Слава богу! Сюда скоро до нас немцы вступят, а за ними и государя императора недолго будет дожидаться. Верные люди говорили, с Балты, которые знают. Трошки подожди, — он еще более понизил голос. — Если даст бог, то найдется тогда для тебя один человек...

Испуг мелькнул в ее глазах.

— Не треба мне от вас никакого другого человека, — скороговоркой сказала она и вдруг опять крикнула с отчаянием и дерзостью: — Отчепитесь от меня, папа, бо я все равно ни за кого другого, кроме Семена, не пойду и годи!

Он подошел к ней вплотную. Она уперлась ладонями в его грудь и изо всех сил оттолкнула.

— Скаженная!

— Сами вы скаженный! Последней совести человек решился! Не трожьте меня, идите, вас там сваты ждут.

Он смотрел с изумлением на ее бешеное лицо с закушенными до крови губами. Но Софья не помнила себя. В беспя-

мятстве она билась за свое счастье. Он никогда не предполагал, что она может быть такая. Он испугался.

— Тшшш, ну тебя к чорту. Не делай мне тут в хате скандал. Сполосни морду водой и зайдешь до нас.

Он вернулся к старостам, всем своим видом стараясь показать, что ничего особенного не произошло.

— Женские слезы, — сказал он с иронией, кивнув на дверь.

— Обыкновенное дело, — подтвердил матрос. — Одна соленая вода. Как у нас в Черном море. Не больше.

Явилась Софья с матерью. В ушах у старухи болтались большие серебряные серьги, похожие на кружочки лука. На ногах скрипели новые чоботы, причинявшие страдание. Лицо Софьи было бесстрастно.

Женщины поклонились гостям.

— Кланяется вам молодой князь, — с легким раздражением сказал матрос. — Известный вам человек Семен Федорович под фамилией Котко. Какой будет ваш ответ? — и при этом посмотрел на Ременюка. — Так?

— Нехай так.

Ткаченко исподтишка посмотрел на дочь яростными глазами на усмехающемся лице. Он еще надеялся. Ей стоило только спеть:

«Не ходи до мене,
Не суши ты мене.
Коли я тобі не люба —
Обойди ты мене».

Это бы означало отказ.

Софья сделала угловатое движение плечом, поправляя неудобную кофту, и стала перед отцом и матерью на колени.

— Благословите меня за Семена.

— Сеанс окончен, — сказал матрос и поставил на стол штоф.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ЧЕЗ И ДЖЕКСОН

— Вы участвовали в тушении пожара, когда горел пятидесятиэтажный небоскреб. Вы были в потопленной подводной лодке и спаслись чисто случайно: товарищи выстрелили вами из миного аппарата. Вы трижды попадали в крушения поезда, проглотили в детстве чайную ложку, спасались от землетрясения, прыгали с парашютом и удирали от наводнения.

Но вы не принимали участия в выборах мэра в нашем городе. Тогда, простите, вы дитя. Вы не знаете жизни.

У нас было два серьезных кандидата в мэры: молодой адвокат Чез и лавочник Джексон. И шансы, знаете, были у обоих равны. Чез был хорошим парнем, и безработные (они составляют основную часть жителей нашего города) могли надеяться на облегчение своей участи.

От лавочника Джексона благоприятных реформ ждать не приходилось: это был прижимистый кулак. В его партии воры и мошенники были такой же редкостью, как мухи у помойной ямы.

Но... но Джексон очень хотел быть мэром. Больше чем вы в свое время мечтали о длинных брюках и первом поцелуе.

А когда человек чего-нибудь хочет и он при деньгах, то в Америке ему улыбается солнце. Потому что в этой стране солнце сделано из золота — к золоту оно и льнет.

Джексон был парнем, вареным вкрутую. Он подходил к выборам чисто практически: кто за него — тот получает в лавке кредит; кто против — кредита не имеет.

Но этого мало. Джексон приказал своим молодчикам «вычесать весь город густой гребенкой». Это значит — прощупать всех жителей и особо упорствующим предложить в день выборов, кроме кредита, по одному доллару наличными.

Чез не располагал такими возможностями, но недостающее в кармане заменяло ему содержимое головы. Он знал, на какой ноге у Джексона ахиллесова пята. И взял точный прицел в это место. Почет, авторитет, уважение — это любил Джексон больше всего на свете. Насмешки и анекдоты о нем — этого он боялся, как негра во сне.

— Алло, мистер Джексон? Это говорят из редакции «День нашего города», — услышал однажды вечером лавочник в телефонной трубке своего аппарата.

— Очень рад, очень рад. Готов к услугам.

— Алло, мистер Джексон, нас раз'едает сомнение. Не можете ли вы нам советом. У нас имеется ваша фотография — очень удачная, и мы, вот, не решили, куда давать ее: на первую или на третью страницу? Алло, вы слушаете?

— Да, да, сэр, слушаю, слушаю. Я только закурил сигарету.

— Так вот, мистер Джексон. На первой странице у нас идет портрет президента. Тут, так сказать, общеполитические новости. А третья страница, как вы знаете, отведена специально для новостей городских. Это говорит за то, что ваш портрет будет уместен на третьей, но с другой стороны...

— А что, дорогой мистер, с другой?

— С другой стороны, вы столь уважаемая личность, что казалось бы...

Джексон от волнения обжегся сигаретой.

— Высокопочтенный мистер, — сказал он. — Я всегда глубоко уважал «День нашего города» и, откровенно говоря, удивлен такому вопросу. Вы знаете, что весь город голосует за меня и если бы я выставил свою кандидатуру в штабе, то вряд ли в Белом доме возражали бы против этого. Тем более что во время моей последней встречи с президентом...

Дальше Джексон понес такую чушь, что по ту сторону не смогли сдержать смеха.

Джексон опешил и осекся.

— Хвастун! — услышал он отчетливо, как будто говоривший сидел в мембране его телефонной трубки. Затем короткий звонок известил, что разговор прерван.

На следующий день весь город говорил о том, как ловко Чез разыграл по телефону Джексона. Техника плюс хитрость — и в результате обыкновенный радиорупор, соединенный с телефонной трубкой гезовского телефона, прокричал на всю главную площадь о смехотворном хвастовстве лавочника. Толпа народа, собравшаяся на площади, хохотала до слез.

Ясное дело, «День нашего города» поместил пространное опровержение, в котором даже грозил привлечь к ответственным

ности адвоката Чеза. Но к ихнему брату подобраться не так-то просто. А Джексону это опровержение еще больше испортило дело.

Надо было отыгрываться, ибо анекдот о телефонном розыгрыше катился по городу и рос словно снежный ком. Случай представился очень скоро. Молодой адвокат Чез публично защищал свою работу на получение докторской степени. Ясно, что он не преминул использовать это для предвыборной пропаганды.

Джексон явился на диспут, устроенный для защиты докторской диссертации. После диспута состоялся банкет. И на банкете, поднимая бокал за здоровье молодого доктора Чеза, Джексон произнес небольшой спич:

— Достопочтенный мистер Чез, высокопочтенные джентльмены! Я внимательно прочел юридический трактат нашего талантливого доктора Чеза о хулиганстве как о нарушении обычного, административного, гражданского и государственного права. Глубоко и занимательно, интересно и научно проанализировал он в своем труде хулиганство со времен сотворения мира до наших дней. Но я позволю себе сделать мистеру Чезу небольшое замечание. Вы, достопочтенный доктор, не упомянули в своей работе о хулиганстве по телефону. Телефон — это открытая дверь в квартире каждого джентльмена, куда всякий щенок может просунуть свою морду и обляять хозяйина, уйдя затем не отшлепанным.

Говоря это, Джексон указывал рукой прямо в сторону Чеза, смотря на него в упор. Затем, закруглив свой спич очередным комплиментом по адресу виновника торжества, он сел довольный и удовлетворенный.

Что было делать молодому адвокату? Как ответить на «щенка», полученного в упор перед самыми уважаемыми людьми города? Ведь имени адвоката Джексона не упомянул. Требовать удовлетворения не было оснований и потому циюлю пришлось проглотить.

Лавочник ликовал. Все скрывали улыбки и смешки, а шериф — тот даже сказал вполголоса:

— Люблю, чорт побери, тонкую игру!..

Чез не пел песен, когда возвращался домой — это ясно всякому. Он слишком хорошо знал свой голос. Завтра все уличные мальчишки будут кричать ему вслед «Щенок!» А с такой кличкой в мэры не попадают.

Правда, вчера еще Джексону кричали «Хвастун», но ведь выборы послезавтра, и последний козырь оказался в руках у лавочника.

Чез, придя домой, занялся корреспонденцией. Нам неизвестно, что он писал, но писано было не много, а большой возни стоила отправка. Напечатав всего лишь несколько слов на машинке под копирку, он отправил слугу с написанным и деньгами по двум адресам в городе. Сам Чез несмотря на поздний час выкатил из гаража машину, отправился на телеграф, а затем в два города, соседних с нашим.

Вернулся Чез поутру и сейчас же лег спать. Раздеваясь, он мурлыкал под нос свою любимую песенку.

Чез проснулся в часы обеда. Сладко потянувшись, он протянул руку к телефонной трубке и попросил № 33-83.

— Алло, — спросил Чез, — хвастун Джекс дома?

В трубке что-то зашипело, зашуршало и рассерженный голос гаркнул:

— Сто чертей и одна ведьма вам в зубы! Нет хвастуна и нет Джексона! Перестаньте вы звонить наконец! Хозяин уехал из нашего города на морские купанья!

— Все в порядке, мягко произнес Чез.

Он протянул руку к кипе сегодняшних газет нашего и соседних двух городов. В каждой из них на видном месте красовалось большое объявление:

100 ДОЛЛАРОВ

нашедшему или указавшему, где можно искать собачку по кличке

ДЖЕКС-ХВАСТУНИШКА

Звонить во всякое время по телефону № 33-83.

А. СТЕПАНОВ

В ПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Рис. Л. Бродаты

— Будут знать, проклятое быдло, что с крестьянами мы, польские офицеры, не так уступчивы, как с Гитлером!..

ЛУНАТИК

— Ишь, какая луна!.. Читать можно: столько свету... Ведь, правда, в луне есть что-то притягивающее, таинственное, волнующее?.. Вас никогда не тревожит луна?

— Меня? Нет. Но один мой знакомый погиб из-за луны...

— Он был лунатик?

— Нет, управдом.

— Так что же его погубило?!

— Отдельные неполадки в работе, расхлябанность, не-уменье руководить...

— А луна здесь при чем?

— Именно при помощи лунатизма все это было выявлено.

— Ничего не понимаю!.. Как это лунатизм может действовать на отдельные неполадки?!

— А вы слушайте. Значит, мой знакомый был управдомом в небольшом трехэтажном доме. Хорошо. Теперь в квартиру, как сейчас помню, номер семь переезжает новый жилец, некто товарищ Ступнин. Бледный такой, задумчивый человек лет тридцати. Переезжает вдвоем со старушкой-матерью. Хорошо... Теперь однажды мой управдом возвращается, как сейчас помню, из пивной часов в двенадцать ночи. Входит во двор и видит, что по крыше ходит кто-то в белом. Управдом сразу начинает кричать. Дескать, хулиганство! Слезь! Я — в милицию и так далее... И вдруг старушка Ступнина — мать нового жильца — подбегает к управдому и умоляет: «Я вас умоляю, это мой сын, он лунатик, он может упасть с крыши, если очнется...» Старуха говорит: «Не кричите, он сам слезет. Погуляет и пойдет обратно спать...»

А надо сказать, что управдом был человеком медицински не очень подкованный. Он про лунатиков раньше ничего и не слышал. Ну, пока старуха вела среди него раз'яснительную работу, лунатик действительно сполз обратно и пошел спать.

Только наш управдом на этом не успокоился. Он, видать, предчувствовал себе от луны, как вы говорите, тревогу и на другое утро ударил по лунатизму приказом: сразу же вывесил приказ по дому. Приказ, как сейчас помню, такой: «Замечено, что отдельные жильцы настолько поддаются чуждому влиянию не наших планет (луны и пр.), что позволяют себе ходить по крыше в ночное время. В связи с этим предлагаю:

1. Всем гражданам, которые претендуют на лунатизм, в трехдневный срок оформиться в домовой конторе. Регистрация будет производиться при пред'явлении справки от врача.

2. При посещении крыш и других высот нашего дома на почве луны предлагаю укладываться в дневные часы. О каждой таковой вылазке ставить в известность домоуправление за три часа до вылазки.

3. Без соблюдения вышеуказанных условий лунатизм в доме № 17/19 по Малоушинскому переулку считать недействительным».

Бедняга Ступнин от этого приказа прямо с ног сбился. Ходил на прием к управдому каждый день. Главное, Ступнин был человек тихий, законопослушный. Он говорит:

— Товарищ управдом, во-первых, у меня со справкой неувязка.

Управдом спрашивает:

— Какая такая неувязка?

— В районной амбулатории получается неувязка. Они говорят: «Мы справок насчет лунатизма не даем. Это на глаз определить нельзя. Это надо видеть, как вы ходите по крыше ночью, а мы не можем наших медработников к вам приставлять на все ночи, чтобы они следили, полезете вы на крышу или нет...» И потом в амбулатории говорят: «Это же сразу видно — лунатик вы или нет. Раз полез наверх, значит лунатик. Не полез — не лунатик».

Но управдом не сдавался.

— У нас, — говорит он, — обратная точка зрения. Если мы не займемся тщательной проверкой, то это всякий будет говорить, что он лунатик, и нам скоро придется на крышу ставить милиционера: движение регулировать...

Ступнин плакался еще:

Иллюстрации Ю. Ганфа

Рис. Л. Бродаты

МУССОЛИНИ: — К чему эти овации, дорогой Адо! нам каждое ликующее лицо!..

— И опять: как же мне укладываться в дневные часы, когда мы имеем луну только по ночам? Опять неувязка!

— Не знаю, не знаю, — говорил управдом, — надо укладываться. В конце концов, тут разница выходит в каких-нибудь 5—6 часов... Сперва вы погуляете, потом луна выйдет... А домоуправлению удобнее...

Но, конечно, Ступнин не мог подчиниться приказу. И он несколько раз выходил на крышу, не имея справки, и, главное, по ночам. Один раз произошел даже скандал. Дело было так. Управдом возвращался домой из гостей. С женою. Было около часу ночи. Светила луна. Ступнин топал по крыше тихо и ровно, как будто за папиросами на угол шел. Был он, само собой разумеется, в белой ночной рубашке: как поднял его с постели лунный свет, так он и пошел на крышу.

Увидев лунатика, управдом просто зашелся от ярости. Но особенно кричать не приходилось: в общем и целом, дом у нас населен не лунатиками. Все жильцы спят. И негоже управдому будить население вверенного ему дома. Управдом только погрозил кулаком Ступнину, потом вызвал дворника и два часа шопотом укорял его за недосмотр.

На другой день к Ступнину был послан этот самый дворник. Привели голубчика в домовую контору.

— Опять?! — начал управдом. — Опять за старое?! Я иду с женою, а вы в одной рубашке щеголяете!

Ступнин оправдывался:

— Поймите, товарищ управдом, я же в это время не в себе.

— Я и не прошу вас быть в себе. Но в брюках вы обязаны быть! И в пиджаке обязаны, раз вы вышли на улицу! Да-с!!

— Поймите же, я не знаю, когда я пойду на крышу!

— Тогда спите одетый, если вы имеете привычку нарушать постановления домоуправления. Либо на крыше запасайте для себя костюм. Днем положил около трубы брюки, жилет, там, запонки, а ночью вылез, оделся и лунатизируй, сколько хочешь...

— Да я так уже делал, товарищ управдом. Оставлял пиджамку и брюки у слухового окна.

— И что же?

— Сперли все...

— Ну, это меня не касается. Я передаю дело в товарищеский суд. Пускай суд подымает дело на принципиальную высоту!

Однако наш товарищеский суд не сумел поднять дело на принципиальную высоту. Ступнину вмазали только порицание, и то, чтобы не обижать управдома...

А вскоре разыгралась трагедия, которая заставляет меня предполагать, что наш управдом боролся с лунатизмом, предчувствуя, что лунатик его погубит.

Была осень. Управдом только-только окончил ремонт и ждал комиссию по приемке ремонта. Утром должна была прийти комиссия, а ночь выдалась лунная. И часов в двенадцать Ступнин отправился на свою прогулку по крыше.

Мы, жильцы, ничего этого не знаем, сидим каждый у себя. Кто спит, кто еще читает или кроссворд решает... И вдруг во дворе раздается страшный, душу раздирающий крик... Многие сразу решили... опять Ступнин был на крыше и сорвался!..

Через две минуты почти все население дома — во дворе. И что же мы видим? Действительно кричал Ступнин. Но почему он кричал? Он, значит, шел, шел, шел у самого почти гребня крыши, и вдруг его нога провалилась: не выдержало кровельное железо. От этого он очнулся, закричал и кричит, не переставая. Причем кричит примерно так:

— Позор! Безобразие! Качество ремонта какво! Вот на что идут деньги жильцов! Пренебрегают интересами лунатиков! Управдома сюда! Он ответит! Подайте мне на крышу жалобную книгу!..

Лунатик, лунатик, а знает, что кричать...

Ну, на другой день комиссия составила акт, и сняли нашего управдома за отдельные неполадки, расхлябанность в работе и неумение руководить...

Вот и выходит: пострадал человек из-за луны...

— Н-да... если хотите...

...ф? Я-то ведь знаю, как дорого обходится

В. АРДОВ

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

В тресте Госпылесос ждали прихода нового директора и, как всегда бывает в таких случаях, строили всяческие предположения. Молоденький бухгалтер Розничник, известный своим оптимизмом, говорил восторженно:

— Великолепный человек, чрезвычайно решительный, прекрасный товарищ!

— Откуда вы все это знаете? — спрашивал управделами Голенький, пожилой, хмурый человек.

— Откуда я знаю Резинкина?.. Вот это мне нравится! Да мы с ним в Пензе в одном доме жили, квартира против квартиры. Господи, я не знаю Резинкина!

— А, может, это не тот Резинкин? — сомневался Голенький.

— Конечно, тот! Как же не тот? Аким Петрович Резинкин. Старичок-кассир Голубчиков тоже усомнился.

— Резинкин?.. — сказал он и пожевал губами. — Резинкин... Помню, один был Резинкин. Пять тысяч растратил. Был такой. Три года ему дали. Приятный такой мужчина, с интеллигентным лицом...

На Голубчикова не обратили внимания. Он был очень стар, всю жизнь работал кассиром и на любую фамилию мог припомнить растратчика. Молодые счетоводы частенько шутили со стариком. Они выдумывали какую-нибудь диковинную фамилию, вроде Сентябрь-Июльский, и спрашивали старика, не припоминает ли он какого-нибудь растратчика с такой фамилией?

— Как же не припоминаю? — говорил старик, и на лице его появлялась теплая улыбка. — Алексей Иванович Сентябрь-Июльский. Господи! В Азовско-Донском банке перед самой японской войной две с половиной тысячи хватнул. Прекрасно под гитару пел, как сейчас помню...

— Что же любит Резинкин? — спрашивали сотрудники Розничника. — Вы уж нас, Павел Павлович, посвятите, уж мы, так сказать, используем ваши познания.

— Я лучше вам скажу, чего он не любит, — верещал в ответ польщенный вниманием к своей особе Розничник. — Он транжирства не любит. Очень скуп. Невероятно! В нашем доме все прямо поразились: котлеты считал — вот до чего доходило! Перед тем как уйти на службу, пересчитает котлеты, а вернется, требует, чтобы пред'явили все поштучно... Жена — просто мученица. И добро бы транжирка, нет, бережливая особа.

— Такого человека я ждал давно, — сказал, услышав это, секретарь правления Сопиков, известный своим подхалимским характером. — А что это было при Рваницком? Как заседание — так чай с сахаром. А иногда и печенье на ветер бросали. Каждый пьет, сколько хочет. Некоторые (тут он многозначительно поглядел на Голенького) кладут сахару по три куска. Ничего, мол, государство все выдержит. Такой человек, как Резинкин, нам нужен как воздух!

Вновь назначенный директор Госпылесоса был тем самым Акимом Петровичем Резинкиным, которого бухгалтер Розничник знал по Пензе. Явившись, новый директор приветливо поздоровался с сотрудниками, особо дружески похлопал по плечу старого знакомого Розничника и проследовал в кабинет. Через минуту туда был вызван Сопиков.

— Что это такое? — спросил Резинкин, указывая на мебель мосдревовского дуба, и в голубых глазах его Сопиков увидел строгость и укор. — Куда я попал?

— Да, да! — сказал Сопиков с грустной улыбкой. — Да, да, да... Это, конечно, дворец, музей, хоромы, но не кабинет. Я уже не говорю о том, что за это заплачено наличными 1750 рублей. Сколько раз я говорил товарищу Рваницкому: «Товарищ Рваницкий, что вы делаете? Зачем вам эта средневековая роскошь?! Государственная копейка ведь плачет, горючими слезами плачет!» Но о чем говорить, когда человек, вместо того чтобы прислушаться к разумному голосу, берет и покупает вот этот письменный прибор и платит за него 160 рублей как одну копейку... Ах, что я испытал здесь, товарищ Резинкин! Что я испытал!.. Ведь папиросы хотели от государства на стол ставить пачками. Папиросы!! Что говорить!..

Резинкин, который не слушая секретаря, щупал оконные занавесы, спросил:

— Ну, а это что такое?

— Сатин! Сатин! — ехидно сказал Сопиков. — Высокосортный сатин, по три рубля метр. Ситец для нас не существовал, не-ет!

Он хотел еще что-то добавить, но директор перебил его.

— Вот что, — сказал директор. — Я вижу, что вы тут с вашим Рваницким решили догнать и перегнать самого Плюшкина. Вы забыли, очевидно, удельный вес Госпылесоса. Что это за нищета? Куда я попал? Немедленно купите новый кабинет красного дерева в комиссионном магазине! Сколько он там будет стоить: двадцать пять — тридцать тысяч, — меня это не интересует! Ковры купите персидские. Люстру, шолковые занавесы, письменный прибор ма-ла-хи-то-вый. Что с вами? Почему вы качаетесь?

— Ничего, — сказал Сопиков и попытался улыбнуться. — Я ничего...

Но улыбка вышла кривая, плачущая.

— Я проглядел штаты, — продолжал Резинкин. — Где переводчики? Не вижу.

— Ка-кие переводчики? — пролепетал Сопиков.

— Обыкновенные. Те самые, что переводят с иностранных языков.

— Но ведь мы, так сказать, не имеем дела с границей. Мы, так сказать, внутренний трест.

— Прекрасный ответ! — сказал Резинкин. — А если мы завтра будем иметь дело с границей и сюда, в этот кабинет, завтра придет представитель иностранной фирмы, мы, что же, будем бегать искать переводчиков? Немедленно подыщите трех переводчиков! Французский, немецкий, английский язык... Нет, четырех! Один восточный. Ну, пусть будет китайский, скажем.

— Может быть, одного можно? — пролепетал Сопиков. — Есть такие переводчики, которые несколько языков...

— Еще чего скажете?.. Одного, чтобы он все перепутал! Нет, уж делайте то, что я вам сказал. Теперь, первое мое знакомство с сотрудниками я не мыслю в этих скучных стенах. Сколько у нас сотрудников? Триста?.. Очень хорошо. Закажите банкет. Только не в какой-нибудь там столовке. Тут нужен «Метрополь», от силы — «Савой» или «Гранд отель»... И чтобы была севрюга.

— Чего? — спросил одними губами Сопиков.

— Севрюга под белым соусом. Потом, натурально, коллекционные вина. Что вы скрючились? Да, видно, мне придется много поработать, для того чтобы вышибить отсюда скважнический дух, недостойный Госпылесоса!..

Жизнь Розничника с этого дня сделалась невыносимой. Над ним смеялись все.

— Так как ты говоришь? — трунили над Розничником сослуживцы. — Резинкин скуп? Скопидом? Хо-хо-хо-хо...

— Эх ты, физиономист!.. Попал пальцем в небо. Типичный купец твой Резинкин: вчерашний день опять подмахнул счет на 13 360 рублей за новую систему сигнализации и звонков для кабинета...

— А вазоны? Те два вазона по 800 рублей... Хи-хи-хи...

В целом же Госпылесос жил действительно с огушительной роскошью. Мебели было куплено не на 100, а на 270 тысяч. А банкетов за первый месяц было устроено семь. На одном из банкетов жестоко упился переводчик с английского языка. Разбил антикварную люстру в гостинице, зеркало и вообще произвел убытков на несколько тысяч. Хмурый управделами Голенький попытался вчинить переводчику иск. Но директор решительно воспрепятствовал этому.

— Дорогой товарищ Голенький! — сказал он. — Оставьте, похороните вы в себе эту сутяжническую черту, недостойную Госпылесоса. Человек повеселился — нестрашно. Если он хороший, полезный, нужный работник, — нестрашно.

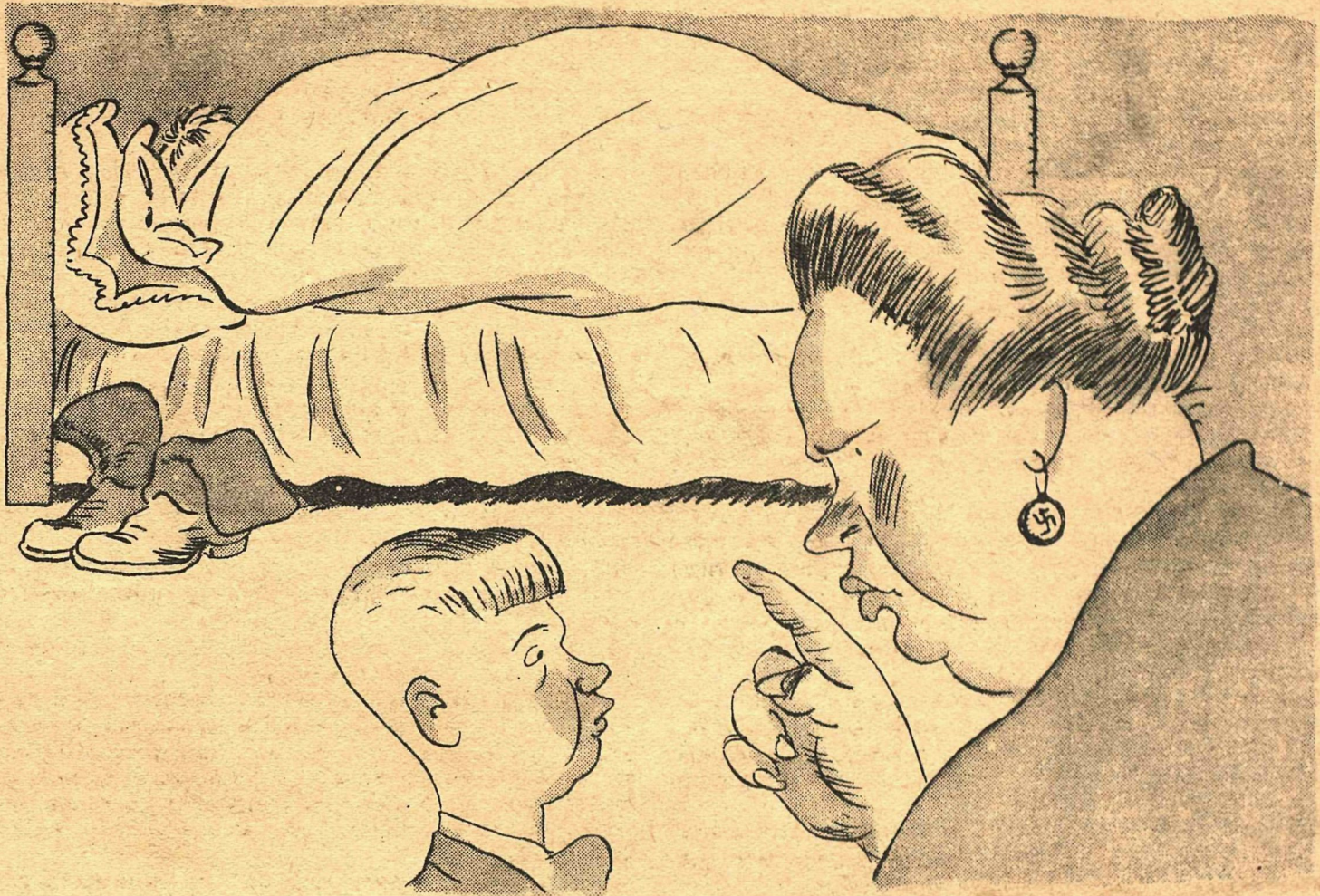
— Так он еще не работал, этот переводчик, — проворчал Голенький.

— Не сумели загрузить, мой дорогой.

— Чем же его загружать, когда нет ему никакой работы?..

ВЫСТУПЛЕНИЕ ВЫСТУПЛЕНИЮ РОЗНЬ

Рис. Бор. Ефимова

— Тише ты, не шуми!.. Папа устал: он выступал на нюрнбергском с'езде.

Правда, он сам надумал швейцарихе уроки английского давать, что-то делает... А вот тот, который с китайского и обратно, тот от безделья каждый день выпивши. Надо отпустить человека, товарищ Резинкин.

— Пока никого не отпускать! — сказал Резинкин и сделал жест, тот великолепный директорский жест, который означает, что разговор окончен.

Наряду с этой роскошной жизнью существование Розничника становилось все ужаснее. Ему не прощали его ошибки в характеристике директора. Он подал заявление с просьбой освободить его от работы, но получил отказ. И тогда Розничник решил сходить на квартиру к товарищу Резинкину, поговорить по старому знакомству. Он и речь заготовил: «Если бы я знал, что вы так переменились, товарищ Резинкин, разве я бы стал информировать сотрудников?.. А теперь прошу отпустить меня, так как невозможно больше терпеть насмешки!..»

И он пришел к директору надом.

Директор с семьей обедал, и домработница проводила Розничника в соседнюю комнату. Розничник сел на стул и

прислушался.

— Что это такое?! — говорил за стеной Резинкин. — Это, извини меня, Маша, какое-то средневековое обжорство! Ну как можно столько накладывать на тарелки?! Петька, оставь сразу, не трогай... Доешь потом...

— Мясо теперь дешовое, — сказал тихий и грустный голос жены. — Я взяла всего на четыре пятьдесят.

— Ну да, конечно, четыре пятьдесят — это не деньги для нас! Я понимаю. Мы привыкли транжирить!.. Потом вот что ты, кажется, задумала белить потолок в столовой?

— Очень уж грязный он. Потом просят всего 30 рублей.

— Сколько?! — захохотал Резинкин. — Всею 30 рублей?! Это, по-твоему, мало?! Только через мой труп будет уплачено 30 рублей! Согласятся за десятку — пожалуйста! Нет — до свиданья! Надо уметь торговаться. А вам, видно, лень поберечь мужнину копейку... И откуда что берется!..

Розничник тихо вышел из комнаты, тихо прошел по коридору и вышел на лестницу. Он все понял.

КОНСТАНТИН ФИНН

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОДПИСЧИКОМ

(По Пушкину)

КНИГОПРОДАВЕЦ

О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

ПОДПИСЧИК

Ко мне жестоко
Относится Гослитиздат,
Хоть я отнюдь не виноват.
Судьба моя зело сурова:
Я подписался на Толстого...

КНИГОПРОДАВЕЦ

На Алексея?

ПОДПИСЧИК

Нет, на Льва.
За десять лет едва-едва
(Неразрешима загадка!)
Прислали книг мне два десятка,
А будет их чуть меньше ста.
Тут арифметика проста:
Чтоб сотни мне томов дожидаться,
Мне надо жить еще лет двадцать!
Но к полному Толстому Льву,
Конечно, я не доживу...

КНИГОПРОДАВЕЦ

К чему сомненья? Что вы, что вы?
Вы с виду человек здоровый,
Гослитиздаты вы вполне...

ПОДПИСЧИК

Увы! Шестой десяток мне.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Что ж, приложите все старанья
Дожить до полного собрания:
Не ешьте мяса дней по пять,
Всегда ложитесь рано спать...
Так, сохранив и прыть и силу, —

Утрете нос Мафусаилу!

ПОДПИСЧИК

Утру иль нет? Вот в чем вопрос!
Поймите у меня склероз,
Затем болезни в разном духе —
От ишиаса до желтухи.

КНИГОПРОДАВЕЦ

(прикладывая трубку к груди
подписчика).

Да... Убеждаюсь я сейчас, —
Болезней много есть у вас.
Ваш вид обманчиво дороден:
Дышите... Так и есть... Негоден!
Забудьте вы о Льве Толстом,
Вам надо думать не о том.
Путь изберите легкий, скромный:
Шекспир, к примеру, восьми-
томный...

Вам принесет покой и мир
«Академический» Шекспир!

ПОДПИСЧИК

Излишне вы оптимистичны.
Я знаю темп «академичный»...
Отнюдь не быстрый он. О, нет!
На восемь книжек — ...надцать
лет!

И вот, чтоб было меньше риску,
Примите от меня подписку...

КНИГОПРОДАВЕЦ

На что же?

ПОДПИСЧИК

Так и быть — решусь!
На однотомику подпишусь!..
М. ПУСТЫНИН

НАКАЗАННЫЙ СУДЬЯ

— Именем Российской социалистической Федеративной советской республики, — объявил народный судья. — Рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению граждан города Новоузенска, Саратовской области, Пределова Ивана Николаевича, 46 лет, грамотного, члена ВКП(б), члена президиума горсовета, имевшего две судимости... Александровского Вениамина Евгеньевича, 42 лет, грамотного, беспартийного, служащего... обвиняющихся по 109-й статье Уголовного кодекса... установил...

Обвиняемые переступили с ноги на ногу и стыдливо потупились.

— ...что подсудимый Пределов, будучи в должности заведующего городским коммунальным отделом, и подсудимый Александровский в должности старшего бухгалтера горсовета злоупотребляли своим служебным положением, незаконно расходуя средства...

Ровно через две минуты гражданин Пределов — 46 лет, грамотный, член ВКП(б), член президиума горсовета, обогатившийся уже третьей судимостью, — и его коллега — бухгалтер — покинули зал судебных заседаний, унося с собой не слишком приятное напутствие: 6 месяцев принудительных работ по месту службы каждому.

Камера народного судьи опустела. Судья Текутов облокотился на стол.

Личность, носившая звучную фамилию Пределов, неотвязно и уже не впервые занимала его мысли. Этот человек, которому он только что вынес обвинительный приговор, был осужден семь лет назад за кражу социалистической собственности и, ускользнув от наказания, пролез в партию. Судья узнал об этом, проверяя архив. Он тогда же сообщил о своем открытии в областной суд и в Новоузенский райком партии. Но симпатяга Пределов до последнего времени здравствовал и заправлял делами городского коммунального хозяйства.

— Ох и вредная же личность! — сказал вслух судья Текутов, отвечая на свои собственные мысли.

Бывают странные совпадения. В эту же самую минуту те же самые слова прозвучали в одной из пивных города Новоузенска. Их произнес уже известный нам гражданин Пределов, и бни были адресованы... судье Текутову.

— Этот судья всему горсовету плешь переел, — говорил Пределов, сердито стуча по столу пивной кружкой. — Кто законопатил на 8 лет за присвоение социалистической собственности родного братишку нашего зава горфинотделом Мананникова? Текутов законопатил! Кто припаял пять лет за изнасилование брата секретаря горсовета Вобликову?

Опять же Текутов! А кому персонально мы обязаны шестью месяцами?!

Через несколько дней после описанного случая в камеру народного судьи с деловым видом проследовал электромонтер из коммунального отдела. Он молча установил у входной двери лестницустремянку, полез под потолок и стал вывертывать пробки в распределителях.

— Что это вы тут колдуете, товарищ дорогой? — дружелюбно спросил народный судья, не ожидавший никакого подвоха.

— Выключаю, — мрачно сказал монтер.

— Позвольте, то есть как это?

— А наше дело маленькое. Приказано выключить — значит выключаем.

Рассмотрение дел окончилось в этот вечер гораздо раньше обычного. С заходом солнца камера народного судьи погрузилась в унылую темноту. Текутов отправился домой. У дзверей его квартиры стояла уже знакомая ему лестницустремянка, и на ее верхней ступеньке орудовал тот же монтер.

— Послушайте! — отчаянно вскрикнул судья. — Что вы делаете?

— Обыкновенно что, — скучным голосом сказал монтер. — Свет выключаю.

На улице шелестел листвою темный августовский вечер. Судья Текутов что-то высматривал из своего окна: в другом конце двора сияли ослепительным электрическим светом окна соседней квартиры. Там мелькали какие-то тени, и в тишину неслось заунывное многоголосое блеяние.

— Сказал господь, да будет свет, — тянули козлиные голоса, как бы поддразнивая судью Текутова.

Это в квартире служащего коммунального отдела баптиста Калдузова шло очередное бдение.

Когда программа псалмопений была исчерпана, Калдузов вышел во двор — проводить дорогих братьев и сестер. Закрыв за ними ворота, он медленно подошел к окну, в котором неясно маячила фигура судьи, и остановился, пощипывая перстами бородку.

— Сумерничаете, гражданин судья? — сказал он елейным тенором. — Ну-ну! Истинно, в темноте, да не в обиде.

Судья тихо застонал и, соскользнув с подоконника, исчез в недрах своей неосвещенной квартиры. На дворе шуршала листьями нерадостная новоузенская осень.

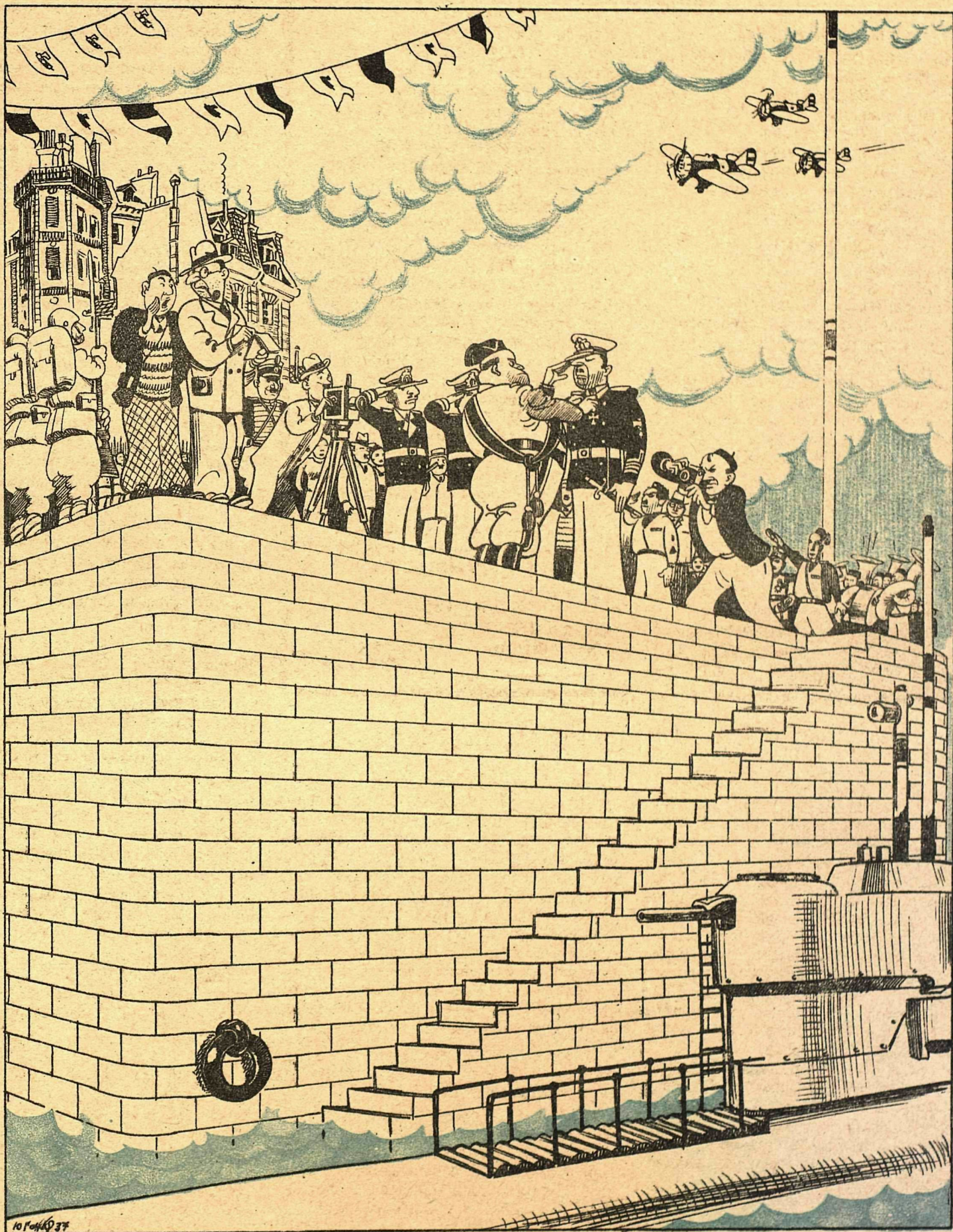
МИХ. ЛЬВОВ

От редакции. Крокодил выражает надежду, что в самое ближайшее время последует продолжение этой истории. Каким оно будет? Ну, скажем, таким: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, — объявит на этот раз саратовский областной суд. — За издевательство над народным судьей Текутовым, за срыв работы Новоузенского народного суда... и т. д. и пр... подсудимого Пределова и его пособников граждан... подвергнуть и пр...».

И никакой электромонтер для этого не понадобится: при самом ярком электрическом свете у подсудимых безусловно потемнеет в глазах.

ШИЛО, КОТОРОЕ В МЕШКЕ...

Рис. Ю. Ганфа

— За что это дуче награждает своих моряков?
— За удачное потопление торговых пароходов „неизвестными“ подводными лодками.

ОТЦЫ-ГАРМОНИСТЫ

Сегодня, как и вчера, как и третьего дня, солнце, закончив свой рабочий день, ушло спать за бугры, в гущу соснового бора. С поля прибежал в село легкий, шаловливый вечерний ветерок. Где-то за овинами, в болотах, лягушки вступили между собой в оживленный спор... Появилась луна, еще бледная и незаметная...

Впрочем, довольно пейзажа: наша речь не вообще о природе, а о классовой природе некоторых вещей и явлений.

Давайте покороче. Вечер. Темнеет. Звезды. 1937 год. Калининская область. Новоржевский район. Выборгский сельсовет.

Где-то на окраине заливается гармонь. И на мотив «Иже херувимы» кто-то хриплым басом поет:

«Ходи, баба, ходи, дед,
Хозяина дома нет...»

Если подумаете, что это кто-нибудь спьяну балуется, — впадете в ошибку. Поет и играет на гармонии вполне трезвый человек. И немолодой. Серьезный. Солидный. С вельми длинными власами. Человек, одетый в рясу.

Короче говоря, «у рояля» (она же гармонь) поп Загорский.

Поп, играющий на гармонии и распеваящий в трезвом виде песни отнюдь не божественного характера, кажется явлением юмористическим. Если зарисовать всю эту штуку, какая получилась бы веселая карикатура!

Но, к сожалению, в этом факте ничего смешного нет. Гармонь в руках у попа — по назначению это — нечто вроде псалтыря или жития святых.

Поп Загорский — неплохой агитатор. Ему нужно войти в доверие колхозной молодежи. Он начинает не с «господи, помилуй», а с более доступного и популярного текста.

«Ходи, баба, ходи, дед,
Хозяина дома нет...»

Текст не священный, но вполне подходящий: как правильно указано в песне, настоящего хозяина в Выборгском сельсовете действительно нет.

Есть там, например, комсорг Соловьев. Очень чувствительная душа. Большой любитель музыки. Отец-гармонист до того усладил нежный слух комсорга, что комсорг привлек попа в качестве руководителя музыкального кружка в школе.

Отец-гармонист Загорский имеет уже своих подражателей. В том же богоугодном сельсовете поп Осипов устраивает молодежные увеселительные вечера, поет, весело приплясывая, частушки и рассказывает молодежи контрреволюционные анекдоты.

Давайте, читатель, посмотрим теперь, что делается в других местах Новоржевского района. Например в Крутцком сельсовете.

Луна, А, может, и луны нет. Вообще луна ни к чему. Нам хотелось только установить, что дело происходит вечером.

Дело происходит ранним вечером. А члены ячейки Союза безбожников уже спят.

Собственно говоря, тут ничего удивительного нет: местная ячейка безбожников спит и утром, и днем, и вечером. Спит и в ясные дни и в непогоду.

В селе клуб. Существует и заведующий клубом. Но в клубе пустота. И заперта эта пустота на крепкий замок. А заведующий, натурально, спит...

Где же крутцкая молодежь проводит свои вечера? Будьте спокойны на сей счет.

Поп и сектанты позаботились. Это они устраивают вечеринки. На вечеринках и баян, и танцы, и выпивка с закуской. И сладкие речи попа с призывом к молодежи записываться в списки верующих.

Не бездействуют и некоторые правления колхозов. Так например правление колхоза «Красный пахарь» засеяло попу колхозными семенами три гектара озимых культур. Так сказать, премиальные батюшке!

Не бездействуют и некоторые председатели сельсоветов. Председатель Дубского сельсовета (к сожалению, не знаем фамилии этого расторопного человека) вывесил объявление:

«Президиум сельсовета просит желающих записаться в церковный совет.
Явиться в сельсовет для регистрации».

Покинем, читатель, Новоржевский район и заглянем в «святые места» Опочецкого района, той же, Калининской области.

Там, в деревне Гужово, безнаказанно орудует «странница» по имени Ева. Эта Ева организовала секту евангелистов.

А по соседству, в другом селе, хозяйничает Ксения Егорова, раскулаченная и трижды судимая «святая».

Ева утверждает, что самый главный святой на сегодняшний день — это Илья-пророк, который вот совсем недавно спустился с неба на землю. Причем Ева указывает, что почтенный Илья приземлился где-то на Украине: нето в районе Конотопа, него на узловой станции Жмеринка.

Ксения ни в грош не ставит Илью. Она настаивает на том, что есть только одна настоящая святая душа — и это персонально она, Ксения.

Но и у Евы и у Ксении имеются свои приходы, своя паства. И Ева и Ксения в молитвах своих добром вспоминают опочецкие районные организации, советские, и партийные, и комсомольские, которые смотрят на мир слепыми глазами.

Вот почему по вечерам в Выборгском сельсовете играет поповская гармонь.

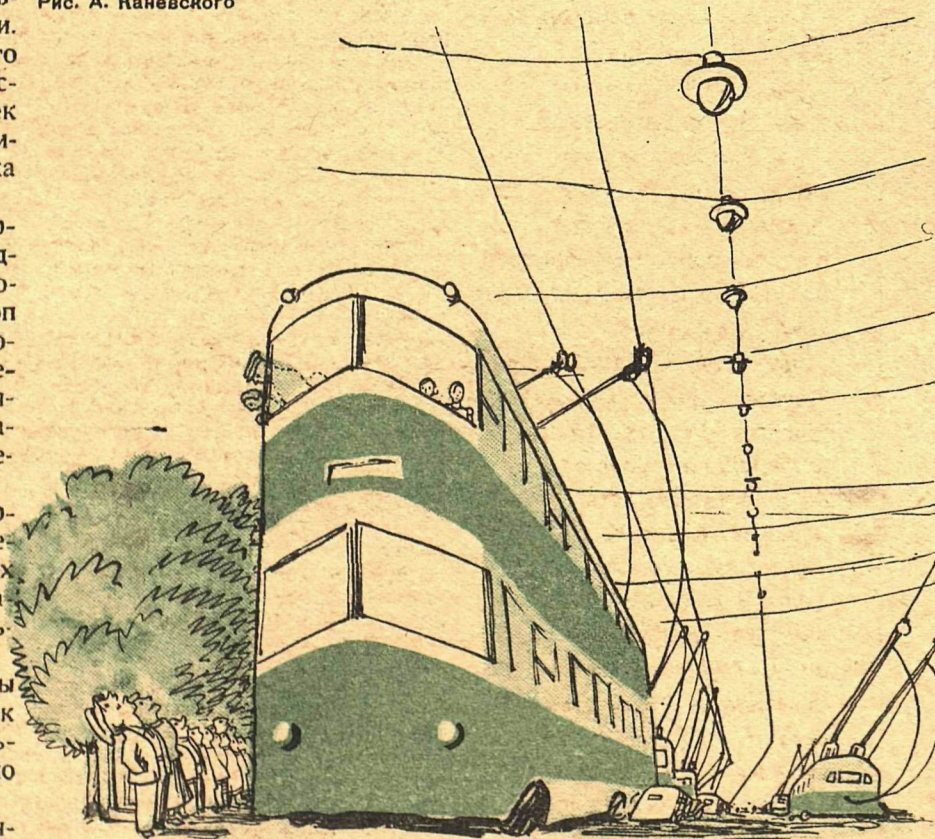
И отец-гармонист поп Загорский старательно распевает:

«Ходи, баба, ходи, дед,
Хозяина дома нет...»

Хозяина нет. А если даже он дома, то спит и видит сладкие сны.

КРУПНАЯ ЕДИНИЦА

Рис. А. Каневского

— На такой троллейбус мало водителя да кондукторов...
Тут без управдома не обойтись!

Г. РЫКЛИН

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В Наркомлегпроме существует Главное управление кожеобувной промышленности. В этом управлении есть два отделения: в Ленинграде и в Ростове на Дону. Только и всего. В этих двух отделениях, естественно, существуют два директора, два заместителя директора, два старших бухгалтера. У всех шести товарищей имеются шесть фамилий, присвоенных им от рождения. И вот эти шесть фамилий причиняют немало хлопот отделу снабжения главка. Дело в том, что специальной штатной единицы, которая помнила бы эти шесть фамилий и в любое время дня и ночи могла бы их назвать, в отделе снабжения нет. И когда встречается необходимость в них, отдел снабжения вынужден срочно запрашивать подведомственные отделения: «Нашему Азово-Черноморскому отделению. Прошу в срочном порядке сообщить фамилию директора вашего отделения, заместителя директора и старшего бухгалтера». Понимая всю сложность положения и глубоко сочувствуя уважаемому главку, мы очень рады, что отделений всего два. Что было бы, если бы их был десяток?! Трудно себе представить панику, которая охватила бы товарищей, принужденных выучить по крайней мере тридцать фамилий!

М. ФЕЛЬДМАН

Ростов на Дону.

Дорогой Крокодил!

Ты, конечно, и сам знаешь, что обычно поездка в отпуск выглядит так. Веселый стук колес, оживленные разговоры в вагоне. Санаторий. Встреча:

— А-а-а, новенькие больные приехали! Милости

просим, вот ваши палаты, устраивайтесь!

И начинается беззаботная голубая санаторная жизнь.

Но, оказывается, бывает и по-другому. 21 августа я уезжала в отпуск. Станция назначения — Полушкино, Белорусско-Балтийской дороги. Приехала. Солнца не наблюдается. Ливень. На открытой допотопной бричке я и еще один отпускник тащимся в санаторий имени Герцена. И — ошеломляющая встреча:

— Приехали? Ну, можете возвращаться назад.

— Как — назад?!

— А так. Ваши путевки отсрочены на 15 дней.

— ???

— Очень просто, — хладнокровно пояснил директор. — Организационные причины повлекли за собой задержку ремонта нашего санатория, а задержка ремонта — передвижку сроков путевки на 15 дней. Позвольте, да разве вас не известили? Вы член какого профсоюза?

— Азотной промышленности и спецхимии.

— А вы?

— Машиностроения.

— Удивляюсь, как вы могли приехать! — сказал директор. — Я же ЦК ваших союзов заблаговременно известил, что сроки путевки переносятся...

На этой же допотопной бричке под проливным дождем мы печально возвращались на станцию.

— А знаете что? — сказал в вагоне мой спутник, задумчиво вывертывая карманы и выливая из них добрые два стакана дождевой воды. — Мы все-таки легко отделались. Что было бы, если б этот санаторий находился не в 75 километрах от Москвы, а где-нибудь на Кавказском побережье?.. Бррр!..

А. АЛЕКСАНДРОВА

Москва

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ИЗ ЖИЗНИ КОРОВОВЛАДЕЛЬЦЕВ

19 августа читатели ореховозуевской «Колотушки» с легким содроганием прочитали на четвертой странице газеты нижеследующее извещение:

«Правление Зуевского общества корововладельцев созывает общее собрание членов 20-го августа в сарае у быков.
Повестка дня: 1. Отчет о работе ревкомиссии. 2. О заготовке сена. 3. Разбор заявлений.»

ПРАВЛЕНИЕ.

Если бы быки умели читать, это объявление, несомненно, польстило бы их самолюбию: ведь почтенные руководители зуевских корововладельцев созвали советских граждан — людей — на заседание в хлев.

Удивительно, как мог редактор «Колотушки» Волков напечатать у себя в газете это нагло-мычащее объявление!

ТОРГОВЛЯ ПО-ПЕНЗЕНСКИ

Гражданин Губанов А. И. в комиссионном магазине в городе Пензе приобрел портфель по сходной цене.

Через несколько дней на работу к Губанову явился уполномоченный пензенского уголовного розыска Бутусов с неизвестным гражданином.

Уполномоченный угрозыска попросил Губанова в отдельную комнату, уселся против себя, затем долго шелестел бумажками, которых Губанову не показывал. Потом начал допрос:

— Вы не отрицаете, что вы являетесь гражданином Губановым?

— Нет, — ответил Губанов.

— Губанов, Анатолий Изанович?

— Да... Иванович... Анатолий...

Тут уполномоченный угрозыска налился кровью и, ударив обеими руками по столу, сказал:

— Где портфель?

— Дома... — выдохнул Губанов.

— Правильно. Не скрывает. Жена нам так и сказала. Пошли домой к вам.

Дома Губанова встретила заплаканная жена.

— Толя, Толя! — прорыдала она. — Как тебе не стыдно воровать чужие вещи?

— Какие вещи?! Что ты, милая?

Тут вступил в беседу неизвестный гражданин, сопровождавший представителя уголовного розыска.

— А такие вещи, — сказал он. — Портфельчик-то у вас краденый — мой портфельчик.

— Да, но я за него платил деньги в комиссионном магазине.

— Это нас не касается. Потрудитесь краденое вернуть.

— Расписку-то хоть дайте, — попросил Губанов, возвращая портфель.

Этим окончилась первая часть драмы, ярко рисующая нравы пензенского комиссионного магазина.

Вторая часть происходила в Пензторге: этой мощной организации подчинен комиссионный магазин.

Товарищ Волков, ответственный работник Пензторга, выслушал рассказ Губанова, сочувственно цыркал и качая головой.

— Ай-ай-ай, — говорил Волков, — це-це-це! Пришли, говорите, на службу. Ай-ай-ай! Расписку, говорите, дали. Скажи на милость!

— Нельзя ли мне теперь получить заплаченные мною за портфель деньги? — спросил Губанов.

Ответственный работник госторговли удивился:

— То есть в каком же смысле деньги?

— Ну как же? Купил я у вас в магазине, значит, вам и надо отвечать.

Волков хотел было еще раз сочувственно покачать головой, но опомнился и, наоборот, захихикал:

— Чудак вы этакий, хе-хе-хе... А вы бы не отдавали.

— Как, то-есть, не отдавал бы?

— А очень просто. Они говорят: это его портфель, а вы говорите: мой портфель. Они говорят — его, а вы говорите — мой. Так бы он дома и остался.

— Значит, денег не вернете?

— Чего нет, того нет, — сказал товарищ Волков и демонстративно стал подписывать бумаги.

Третью часть изложим, так сказать, схематично. Губанов пожаловался помощнику прокурора города Пензы товарищу Самойлову, но помощник прокурора почел для себя невозможным вмешаться в дело.

Часть четвертая, заключительная. Что же теперь нам всем делать? Мы предлагаем такой выход:

а) помощник прокурора Самойлов под наблюдением своего начальника — прокурора города Пензы — немедленно способствует Губанову в получении денег с комиссионного магазина;

б) товарищ Волков из Пензторга со своей стороны наблюдает за исполнением этого справедливого решения;

в) товарищ Губанов немедленно по получении искомой суммы доводит о том до нашего сведения;

г) мы обязуемся, как только получим подробное сообщение, опубликовать его на страницах нашего журнала, дабы у читателей не осталось впечатления, что описанный случай является характерным для пензенской госторговли и прокуратуры.

В ПОРЯДКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Рис. Ю. Ганфа

Массовый характер парашютного спорта в нашей стране ставит в проблему дня обслуживание парашютистов без отрыва их (парашютистов) от воздуха. Это именно и предлагает в своем проекте наш художник Ю. Ганф.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 888

Сдача текста и рисунков 17 IX—37 г.

Подп. к печати 26 IX—37 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б-25275. Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1928. Тираж 275 000 экз.

УСей